

УДК 327.8
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668

Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга)

А.С. Гомелаури

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: gomelaury@yandex.ru

Аннотация. В научном дискурсе феномен «мягкой силы» традиционно рассматривается на уровне государств и, соответственно, в рамках межгосударственного взаимодействия. Однако с ростом глобализации административно-территориальные единицы федераций все более активно взаимодействуют с зарубежными акторами. Такое положение поднимает вопрос влияния субъекта федерации как полноценного агента «мягкой силы». В данной статье на примере города федерального значения Санкт-Петербурга выявлены особенности «мягкой силы» субъекта федерации. Используя такие методы исследования, как кейс-стади, неформализованный анализ научной литературы и официальных документов, автор приходит к выводу, что интегрированные в федеральный внешнеполитический курс субъекты федерации становятся все более активными носителями «мягкой силы» в области внешнего поля.

Ключевые слова: «мягкая сила»; международная деятельность; политика субъектов федерации; парадипломатия; Санкт-Петербург.

Для цитирования: Гомелаури А.С. 2020. Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга). Via in tempore. История. Политология, 47 (3): 658–668. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668.

The subject of federation as a state's «soft power» channel (by the example of St. Petersburg)

Angelina S. Gomelaury

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: gomelaury@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the subject of the federation as a channel of «soft power». Using the case study method, the author concludes that Saint Petersburg as an administrative unit, having a formed image and participating in various forms of international cooperation, has an «attractive» influence. The case of Saint Petersburg shows that regions, taking into account their specifics, can be used within the framework of the federal strategy of «soft power» influence, thanks to their capital, which can be positively evaluated by the international community. Nevertheless, it should be noted that the city's activity in this sphere is limited. First of all, the system of relations between the center and regions makes some restrictions for the regional policy of «soft power», and, secondly, the lack of strategic planning in the field of international cooperation does not allow to determine the role of regions clearly and, following it, to utilize their potential to the full extent.

Keywords: soft power, international activity, paradiplomacy, federal subjects, Saint Petersburg.

For citation: Gomelauri A.S. The subject of federation as a state's «soft power» channel (by the example of St. Petersburg). *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 658–668 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-658-668.

Введение

В последнее десятилетие отношения между Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки и странами Европейского союза существенно осложнились, что оказало негативное влияние на развитие политических, коммерческих и культурных контактов. Необходимость минимизации ущерба, нанесенного ухудшением межгосударственного взаимодействия, сделала крайне актуальным вопрос использования «мягкой силы», формирующей «привлекательность» (*attractiveness*) [Nye, 2004, p. 7] страны. Потребность в новых каналах влияния заставляет государства обращаться к идее применения всех имеющихся в распоряжении ресурсов, в том числе тех, которыми располагают административно-территориальные единицы. Стоит отметить, что государства с федеративным устройством, с учетом большей неоднородности регионов, обладают явным потенциалом в сфере наращивания «мягкой силы».

Анализируя случай Российской Федерации, можно говорить о том, что субъекты в ее составе имеют свои территориальные, политические, культурные, экономические, а в ряде случаев этно-национальные и языковые особенности, свой «образ», свои сети контактов в области международного сотрудничества, что позволяет рассматривать их как акторов-проводников «мягкой силы». Положение субъектов предполагает их жесткую встроенность в «вертикаль власти»: процесс централизации, начатый в 2000-е годы, лишил регионы большей части свобод [Григорьев, 2014, с. 159], однако, координируя действия с властями федерального уровня, они по-прежнему могут налаживать международные и внешнеэкономические связи [Артеев, 2019, с. 183–186]. При этом возможности и пределы деятельности регионов в сфере международного взаимодействия являются одной из наиболее дискуссионных тем в рамках проблематики федерализма [Наронская, 2019, с. 385].

Целью данной работы стало выявление потенциала «мягкой силы» федерального субъекта. В качестве примера выбран обладающий большим культурным и сетевым капиталом город федерального значения – Санкт-Петербург.

В основе исследования лежит метод кейс-стади, кроме того, использованы элементы институционального метода, анализ фактологической информации, неформализованный анализ документов, научной литературы, данных, полученных в ходе опросов.

Теоретические основы исследования

Феномен «мягкой силы» не нов ни для зарубежной, ни для российской политической науки. Контекст его закрепления в концептуализированной форме связан с именем американского политолога Дж. Ная, который разрабатывал идею формирования наиболее эффективной политики для достижения государством внешнеполитических целей [Nye, 1990; Nye, 2004; Nye, 2011]. Ученый определил «мягкую силу» государства как «способность воздействовать на других через инструменты сотрудничества в формировании программы действий, убеждая и вызывая положительное влечение для достижения желаемых результатов» [Nye, 2011, p. 21].

Взгляды Дж. Ная вызвали интерес иностранных исследователей, которые продолжили работу как над теоретико-методологическими проблемами концепции, так и над ее использованием при анализе практических кейсов [Davis Cross, Melissen, 2013; Chitty et al., 2016]. Между тем некоторые положения, представленные автором концеп-

та, вызвали неприятие в научном сообществе и бурную дискуссию, получившую свое отражение в работах Т. Халла и Н. Фергюсона [Ferguson, 2004; Hall, 2010], уделявших внимание специфике трактовки феномена, а также К. Грея и Э. Коэна [Gray, 2011; Cohen, 2017], указывавших на недостатки применения «мягкой силы» в современных условиях.

Интерес к взаимодействию государств сквозь призму теории «мягкой силы» проявили и российские ученые, исследовавшие само понятие и подходы к его рассмотрению и измерению [Лебедева, 2017; Жильцов, 2018; Галларотти, 2020], попытки разработки стратегии и реализации такого вида силы на федеральном уровне [Sergunin, Karabeshkin, 2015], продвижение имиджа России на международной арене и те сложности, с которыми сталкивается страна [Наумов, 2015]. Особенности российского кейса также анализировались зарубежными исследователями, в числе которых Дж. Шерр, В. Китинг и К. Качмарска [Sherr, 2013; Keating, Kaczmarek, 2017]. Несмотря на то, что количество работ, посвященных российскому опыту использования «мягкой силы», велико, субъекты федерации зачастую не рассматриваются наравне с другими акторами, участвующими в ее продвижении: внимание политологов сосредотачивается на конкретных институтах (образовательных учреждениях, научных центрах, некоммерческих организациях, различного рода фондах и федеральных агентствах («Русский мир», «Россотрудничество», «Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова» и пр.) [Sergunin, Karabeshkin, 2015, p. 355–356]. Вместе с тем международная деятельность субъектов федерации в целом изучается достаточно активно. В фокусе – различные аспекты парадипломатии, которая «состоит из политических контактов различных государств, которые складываются через контакты субнациональных властей не только с торговыми, промышленными или культурными акторами зарубежных стран, но также и с всевозможными агентами внешних связей национальных правительств» [Кузнецов, 2006]. Так, ученые рассматривают потенциал регионов в области международного взаимодействия, анализируя формы сотрудничества, доступные субъектам Российской Федерации [Бейдина и др., 2016], роль региональной идентичности при развитии внешних контактов [Баков, Керимов, 2018], влияние региональных элит на участие федерального субъекта в международной деятельности [Наронская, 2019]. Между тем «мягкая сила» выходит за рамки парадипломатического контекста, включая обширную проблему культурной и ценностной «привлекательности» региона. Таким образом, положение субъектов федерации как акторов «мягкой силы» нуждается в дополнительном изучении.

Результаты исследования

Оценивая субъект федерации как актор, транслирующий «мягкую силу», обратимся к концепции Дж. Ная, применив ее к анализу пара-уровня. Ученый указывал на важность следующих компонентов, формирующих «притягательный» образ [Nye, 2004, p. 11–15]:

– *культура, понимаемая в контексте ценностей и практик общества*. Учитываются достижения элитарной или «высокой» культуры (высокая мода, высокое искусство и пр.), а также культуры «низкой», массовой, характеризующейся наличием широко узнаваемых брендов (в сфере киноиндустрии, музыки, литературы, а также в области торговли, когда за товарами народного потребления стоят корпорации, ассоциируемые с определенной культурой, страной, городом, нацией);

– *внутренняя и внешняя политика*. Несмотря на то, что внутренняя политика субъекта и его международные связи в ряде аспектов регулируются федеральным центром, каждый регион имеет свою специфику, являющуюся следствием его географического расположения, поощряющего или затрудняющего сотрудничество с зарубежными территориями, его репутации как безопасного и доступного для иностранных граждан места, его по-

литики в экономической, социальной и иных сферах, готовности региональных элит к поддержке международных связей и т. д.;

– *ценности, отстаиваемые во внутренней и внешней политике*. Различия между субъектами Российской Федерации характеризуются, в том числе, этнокультурными и этноконфессиональными особенностями, оказывающими влияние на ценности, доминирующие во внутренней и внешней политике.

Таким образом, анализируя кейс Санкт-Петербурга сквозь призму концепции «мягкой силы», стоит обратить внимание на специфику его внешней и внутренней политики, а также культурные и ценностные ресурсы, которыми он располагает.

Международные связи Санкт-Петербурга на региональном уровне регулируются законом от 18 июня 2008 года «О международном сотрудничестве, международных и внешнеэкономических связях Санкт-Петербурга», утвержденным Законодательным собранием Санкт-Петербурга. Данный нормативно-правовой акт определяет полномочия субъекта в области международного взаимодействия, а также приграничного сотрудничества с административно-территориальными единицами иностранных государств по торгово-экономическим, научно-техническим, культурным, экологическим и иным вопросам [О международном сотрудничестве: Закон Санкт-Петербурга, 2008]. Кроме того, Закон определяет формы связей, реализуемых Санкт-Петербургом на институциональном уровне: к их числу относится проведение переговоров, заключение договоров, участие в деятельности международных организаций, открытие представительств Санкт-Петербурга за рубежом и разрешение на размещение представительств субъектов иностранных государств на территории города и пр. [О международном сотрудничестве: Закон Санкт-Петербурга, 2008]. Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 января 2004 года № 5 в субъекте был создан особый орган, осуществляющий деятельность по реализации государственной политики в области внешних связей, а также координирующий организацию участия граждан и организаций в международных мероприятиях – Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга [О Комитете по внешним связям: Постановление Правительства Санкт-Петербурга, 2004]. Важно подчеркнуть, что к функциям данного Комитета также относится формирование позитивного образа города за пределами России, поддержка выставок, ярмарок, форумов, конференций и иных событий с международным участием, открытие деловых центров Санкт-Петербурга на территории иностранных государств и содействие их работе [О Комитете по внешним связям: Постановление Правительства Санкт-Петербурга, 2004], что непосредственно характеризует данный орган как институт «мягкой силы» регионального уровня.

Несмотря на большое внимание к внешней деятельности со стороны города, у Санкт-Петербурга, в отличие от ряда субъектов Российской Федерации (Кемеровской области, Свердловской области), отсутствует Концепция, которая декларировала бы основные планы и задачи в области внешнеэкономического, международного, межрегионального сотрудничества. Таким образом, в своей внешнеполитической активности город руководствуется Концепцией внешней политики, принятой на федеральном уровне [О международном сотрудничестве: Закон Санкт-Петербурга, 2008].

Оценивая Санкт-Петербург с точки зрения ресурсных показателей «мягкой силы», можно выделить ряд особенностей:

Санкт-Петербург – город, обладающий большим культурным и event-капиталом.

История Санкт-Петербурга способствовала его современной популярности: на протяжении 206 лет город являлся столицей России, что сделало его крупным культурным центром. В «северной Венеции» расположено около 200 музеев, включая Эрмитаж. Интерес также вызывают дворцово-парковые ансамбли, внесенные в список всемирного наследия ЮНЕСКО (Пушкин, Петергоф, Павловск), соборы, театры и иные объекты, связанные с именами лиц, чей вклад в мировую науку и культуру широко известен за пределами

страны (Ф.М. Достоевский, И.А. Бродский, А.П. Павлова, П.И. Чайковский, Л.Д. Ландау и пр.). В городе регулярно проводятся различные мероприятия, привлекающие внимание мирового сообщества, к числу которых можно отнести ежегодный Петербургский международный экономический форум, посещаемый представителями иностранных политических и бизнес-элит, чемпионат мира по футболу 2018 года и чемпионат Европы, ожидавшийся в 2020 году. Кроме того, культурная жизнь города характеризуется событиями, значимыми для ценителей искусства: так, в 2019 году было проведено 918 фестивалей, открылись 2 042 выставки, прошли 140 театральных премьер [Статистика культурной жизни, 2020].

Отдельного упоминания заслуживает сфера науки и образования: в городе расположено 43 государственных вуза, включая рейтинговые высшие образовательные учреждения (Санкт-Петербургский государственный университет, ИТМО, Санкт-Петербургский политехнический университет) [QS World University Rankings, 2020]. При этом, численность студентов, приезжающих с целью получения образования, стабильно растет: так, если в 2010 году в Санкт-Петербург прибыло 13 тысяч иностранных студентов, то в 2014 году их число составило 19 тысяч, в 2018 – 28 тысяч (4,92 % от общего количества лиц, получающих высшее образование) [Комитет по науке: Итоги работы, 2018].

Интерес граждан зарубежных стран к перечисленным выше сферам (культуре, спорту, экономическому развитию, образованию) отразился в публикациях иностранных средств массовой информации. «Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга по результатам мониторинга СМИ», предоставившее информацию о характере публикаций с 2007–2009 гг. по 2019 г., показало, что наиболее часто город упоминается в контексте спорта и событий в области культуры, а также в рамках инвестиционной, промышленной и конгрессной активности, безопасности и межнациональных отношений [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019]. Так, например, в 2019 году наибольшее число упоминаний города было связано со спортивной деятельностью – 23,3 %, затем с культурной – 16,3 %, инвестиционно-промышленной – 9,4 %, туристической – 9 % и т. д. [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019]. Процент публикаций, связанных с другими тематиками, невысок: так, в 6,5 % случаев Петербург упоминается как центр международных политических событий, в 5,5 % – в контексте зарубежных или межрегиональных миссий культурного или делового характера, в 3,4 % – социального развития, в 3,3 % – науки и образования и т. д. [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019]. Данное распределение позволяет выявить те стороны жизни Петербурга, которые в большей степени интересуют зарубежное сообщество, и, соответственно, те, на которых «образ» города строится в меньшей степени. Стоит, однако, подчеркнуть, что внимание СМИ к той или иной составляющей петербургской действительности может различаться в зависимости от года [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17], что, вероятно, происходит под влиянием «повестки дня». При этом тональность публикаций зачастую носит либо нейтральный, либо положительный характер [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 5].

О Санкт-Петербурге как к локации, вызывающей интерес у иностранцев, можно судить на основе данных о туристическом потоке. Так, согласно исследованию, опубликованному центром стратегических исследований Euromonitor International в 2019 году, Санкт-Петербург занимает 59 место среди городов мира по числу иностранцев, прибывающих для отдыха, налаживания бизнес-контактов и пр. [Top 100 City Destinations, 2019]. В последние годы наблюдается стабильная положительная динамика: в 2019 году турпоток составил 4 миллиона 457 тысяч человек (без учета круизных туристов), что на 11,5 % больше, чем в 2018 году [Top 100 City Destinations, 2019]. Популярность Санкт-

Петербурга в среде иностранных граждан подтверждает его признание «мировым ведущим культурным направлением» со стороны World Travel Awards [World's Leading Cultural City Destination, 2019].

Внутренняя политика Санкт-Петербурга в меньшей степени интересует иностранцев, чем внешняя (исключение – вопросы безопасности).

Внутренняя политика субъекта федерации зачастую является отражением федерального курса в области экономической, социальной, образовательной сфер. И, несмотря на то, что политика каждого региона имеет свою специфику (развитые направления экономической активности, размер социальных выплат и пособий, количество и престиж высших учебных заведений и т. д.), известность во внешнем поле приобретает ситуация на уровне страны в целом. Пример Санкт-Петербурга показывает, что за рубежом больший интерес представляют события международного или всероссийского масштаба, связанные с городом, чем его внутренняя политика: так, процент публикаций в иностранных СМИ, содержащих упоминание города, по таким темам, как «социальное развитие», составляет от 0 до 4,5 % ежегодно (с 2015 по 2019 год), «деятельность властных структур Санкт-Петербурга» – от 2 до 4 % за тот же период, «наука и образование» – от 1 до 3,3 % [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17]. Значимое исключение составляет внимание к вопросам безопасности и межэтническим взаимоотношениям: эта тематика ежегодно затрагивается в 6–18 % публикаций (по данным с 2015 по 2019 гг.) [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17].

События федерального, общеевропейского или общемирового уровня, происходящие в субъекте, освещаются в большей степени: по данным с 2015 по 2019 год, спортивной жизни ежегодно посвящается от 20 до 26 % публикаций, культурной – от 11 до 20 %, международным политическим событиям – от 5 до 31 %, конгрессной и промышленной активности, а также деятельности в области привлечения инвестиций – от 5 до 13 % [Там же]. Меньшее число публикаций затрагивает межрегиональные отношения города, а также его взаимодействие с отдельными сообществами: от 2 до 6 % связано с деловыми и культурными миссиями Петербурга как за границей, так и внутри страны, от 0,3 до 2,2 % – с политикой в отношении соотечественников [Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга, 2019, с. 7–17].

Основываясь на имеющихся данных, можно предположить, что политика региона, связанная с событиями более высокого уровня, имеет большее «привлекательное» влияние и, следовательно, формирует «образ» города в международном сообществе. Соответственно, «мягкая сила» субъекта федерации зависит от степени его включенности в «повестку дня» всероссийского, европейского или мирового масштаба.

Значимой составляющей «мягкой силы» Санкт-Петербурга является обширная сеть контактов, осуществляемых в рамках парадипломатической деятельности.

В случае Санкт-Петербурга включенность в «повестку дня» обеспечивается его статусом европейского по своему характеру города, а также «второй столицы» Российской Федерации. Такое положение позволяет ему вести активную внешнюю деятельность, налаживая широкую сеть международных контактов. На данный момент в Санкт-Петербурге находится 34 консульства, 3 отделения посольств, а также 4 представительства международных организаций (Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, Евразийского банка развития, а также Европейского банка реконструкции и развития). Кроме того, взаимодействие между иностранными гражданами и петербуржцами обеспечивается рядом международных культурных институтов, в частности, Французским институтом, Немецким культурным центром имени Гёте, Итальянским институтом культуры и т. д.

Санкт-Петербург как субъект федерации имеет развитую сеть контактов на субнациональном уровне: двусторонние договоры о сотрудничестве заключены с 96 зарубежными городами (Мельбурном, Барселоной, Квебеком и пр.) и 30 административно-территориальными единицами (китайскими провинциями Гуандун и Сычуань, норвежской губернией Финнмарк, швейцарским кантоном Тичино и т. д.). Парадипломатические связи осуществляются в различных формах: подписание соглашений, визиты делегаций, встречи, мероприятия культурно-просветительского, образовательного, патриотического характера, командировки с целью обмена опытом, участие в выставках, семинарах, форумах, разработка совместных инвестиционных проектов, передача подарков [Сотрудничество Санкт-Петербурга, 2019]. Стоит отметить, что Петербург занимает активную позицию в области внешнеполитического взаимодействия: так, в 2019 году состоялось более 250 основных мероприятий в рамках международного сотрудничества с городами и регионами 36 стран мира [Сотрудничество Санкт-Петербурга, 2019].

Высокий процент людей с европейской самоидентификацией, проживающих в Санкт-Петербурге, обуславливает ценностное сближение жителей данного субъекта федерации с представителями европейского сообщества.

Вопрос ценностей, продвигаемых во внутренней и внешней политике, актуален не только на федеральном, но и на региональном уровне. Несмотря на то, что субъекты федерации объединены общими установками, заложенными в ключевых нормативно-правовых актах, внутрирегиональная специфика (религиозные установки населения, неcodифицированные нормы и правила, этнические традиции, тесное взаимодействие с сопредельными странами с иной культурой и пр.) накладывает свой отпечаток на взгляды региональных политических элит и общества, и, следовательно, на политику региона.

Город федерального значения Санкт-Петербург также имеет свои региональные ценностные особенности, связанные в первую очередь с самоидентификацией его жителей – им присущ определенный набор норм и ценностей, сквозь призму которых они воспринимают мир и те процессы, что в нем происходят. «Образ» петербуржца в сознании жителей города тесно связан с восприятием себя как «типичного жителя высококультурной Европы» [Попова, 2018, с. 136]. Чувство «европейскости» может быть названо специфической характеристикой Санкт-Петербурга как субъекта федерации (согласно социологическим опросам, среди петербуржцев о значимости своей европейской идентичности в той или иной мере заявляют от 64,5 до 65,4 %, притом, что сходной позиции придерживается только 1 % россиян) [Там же, с. 133; Селина М.В., 2014; Аналитический обзор, 2012]. Таким образом, можно предположить, что ценностная позиция петербуржцев ближе к европейской, чем позиция россиян в целом. Это, в свою очередь, создает более лояльные условия для взаимодействия жителей Санкт-Петербурга и граждан стран Европы.

Заключение

Несмотря на обилие исследований, посвященных вопросам «мягкой силы», говорить о достаточной изученности роли субъекта федерации как одного из государственных каналов «мягкой силы» невозможно. Между тем, как показывает пример Санкт-Петербурга, ресурсы, которыми обладают регионы, позволяют учитывать их потенциал при разработке федерального курса «мягкой силы».

Сложная история взаимоотношений «центр – регионы», характеризующаяся после распада СССР (с 1993 по конец 1990-х годов) децентрализацией и асимметрией, а затем существенным ограничением возможностей регионов (с 2000-х годов), оказала влияние на включенность регионов в международную деятельность. Однако под влиянием глобализации субъекты федерации становятся все более активными акторами внешнего поля, носи-

телями «мягкой силы». Безусловно, регионы не могут считаться самостоятельными игроками на международной арене, тем не менее их опыт в области парадипломатии, накопленный в течении десятилетий, их «образ», культурный и event-капитал, привлекательный с точки зрения иностранцев, может быть использован в рамках федеральной стратегии «мягкого» влияния.

Исследование кейса Санкт-Петербурга продемонстрировало, что потенциал города в области «мягкой силы» достаточно велик: регион располагает необходимыми ресурсами, институтами, сетью контактов, имеет свой сформированный имидж во внешнем поле. При этом единая стратегия деятельности в области международного взаимодействия отсутствует.

Список литературы

1. Аналитический обзор: Сколько в России патриотов? 2012. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1185> (дата обращения: 12.07.2020).
2. Артеев С.П. 2019. Международные связи российских регионов и центр: эволюция координат. Вестник МГИМО-Университета, 12 (5): 181–192.
3. Баков А.А., Керимов А.А. 2018. Регионы в международной деятельности: факторы развития парадипломатии. Дискурс-Пи, 15 (3–4): 164–172.
4. Бейдина Т.Е., Новикова А.В., Погулич О.В. 2016. Сотрудничество между Забайкальским краем и Китаем: функционирование региональных факторов с учетом внешних санкций. Известия Иркутского государственного университета, 17: 23–32.
5. Галларотти Д.М. 2020. Как измерять мягкую силу в международных отношениях. Политические исследования, 1: 89–103.
6. Григорьев Н.А. 2014. Современный этап эволюции системы отношений «центр – регионы». Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова, 2: 157–165.
7. Жильцов С.С. 2018. «Мягкая сила» в политике. Современная Европа, 2: 152–156.
8. Закон Санкт-Петербурга «О международном сотрудничестве, международных и внешнеэкономических связях Санкт-Петербурга» (с изменениями на 8 февраля 2018 года). 2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8477187> (дата обращения: 03.07.2020).
9. Исследование международного имиджа Санкт-Петербурга по результатам мониторинга СМИ в период с 01 января по 10 декабря 2019 года. СПб., Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, 2019. 274 с.
10. Итоги работы Комитета по науке и высшей школе в 2018 году и основные задачи на 2019 год. 2019. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/10/08/20/%D0%9A%D0%BE%D0%BВ%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93_15.03.19.pdf (дата обращения: 07.07.2020).
11. Кузнецов А.С. 2006. Парадипломатия: трактовки и теоретические модели. Дискурс-Пи, 6: 76–78.
12. Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-Университета. 3 (54): 212–223.
13. Наумов А.О. 2015. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации. Перспективы. Электронный журнал, 4 (4): 21–32.
14. Наронская А.Г. 2019. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта федерации (опыт Свердловской области). Ars Administrandi (Искусство управления), 3: 384–400.
15. Попова О.В. 2018. Территориальная идентичность петербуржцев: европейская vs локальная и региональная. Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерение. СПб., Санкт-Петербургский государственный экономический университет: 130–137.
16. Постановление Правительства Санкт-Петербурга «О Комитете по внешним связям». 2004. URL: http://kvs.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/06/01/Pologenie_o_Komitete.pdf (дата обращения: 05.07.2020).

17. Селина М.В. 2014. Жители Санкт-Петербурга чувствуют себя европейцами. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666148.html> (дата обращения: 12.07.2020).
18. Сотрудничество Санкт-Петербурга с городами-партнерами. 2020. URL: <http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/320-2020.pdf> (дата обращения: 05.07.2020).
19. Статистика культурной жизни Петербурга. 2020. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/culture_statistics/ (дата обращения: 05.07.2020).
20. Chitty N. et al. 2016. *The Routledge Handbook of Soft Power*. New York, Routledge, 508.
21. Cohen E.A. 2017. *The big stick: the limits of soft power & the necessity of military force*. New York, Basic Books, 304.
22. Davis Cross M.C., Melissen J. 2013. *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. New York, Palgrave Macmillan, 230.
23. Ferguson N. 2004. *The Rise and Fall of the American Empire*. London, Penguin books, 400.
24. Gray C.S. 2011. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st century*. Carlisle, The Strategic Studies Institute, 59.
25. Hall T. 2010. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. *The Chinese Journal of International Politics*, 3: 189–211.
26. Keating V., Kaczmarek K. 2017. Conservative Soft Power: Liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 22 (1): 1–27.
27. Nye J.S. 1991. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 336.
28. Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 192.
29. Nye J.S. 2011. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 320.
30. QS World University Rankings. 2020. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (accessed: 07.07.2020).
31. Sergunin A., Karabeshkin L. 2015. Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics*, 35 (3): 347–363.
32. Sherr J. 2013. *Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*. London, Royal Institute of International Affairs, 137.
33. Top 100 City Destinations. 2019. URL: <https://go.euromonitor.com/white-paper-travel-2019-100-cities> (accessed: 07.07.2020).
34. World Winners: World's Leading Cultural City Destination 2019. World Travel Awards. 2019. URL: <https://www.worldtravelawards.com/winners/2019/world> (accessed: 08.07.2020).

References

1. Analytical review: How many patriots are there in Russia? 2012. VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1185> (accessed: 12.07.2020). (in Russian)
2. Arteev S.P. 2019. Mezhdunarodnye svyazi rossijskih regionov i centr: jevoljucija koordinacii. [International relations between Russian regions and the center: evolution of coordination]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 12 (5): 181–192.
3. Bakov A.A., Kerimov A.A. 2018. Regiony v mezhdunarodnoj dejatel'nosti: faktory razvitija paradiplomatii [Regions in international activity: factors of development of paradiplomacy]. *Diskurs-Pi*, 15 (3–4): 164–172.
4. Bejdina T.E., Novikova A.V., Pogulich O.V. 2016. Sotrudnichestvo mezhdru Zabajkal'skim kraem i Kitaem: funkcionirovanie regional'nyh faktorov s uchetom vneshnih sankcij [Cooperation between Zabaykalsky kraj and China: functioning of regional factors taking into account external sanctions]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17: 23–32.
5. Gallarotti D.M. 2020. Kak izmerjat' mjagkiju silu v mezhdunarodnyh otnoshenijah [How to measure soft power in international relations]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 1: 89–103.
6. Grigor'ev N.A. 2014. Sovremennyj jetap jevoljucii sistemy otnoshenij «centr – region» [The current stage of evolution of the system of relations «center – regions»]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, 2: 157–165.
7. Zhil'cov S.S. 2018. «Mjagkaja sila» v politike [«Soft power» in politics]. *Sovremennaja Evropa*, 2: 152–156.

8. Zakon Sankt-Peterburga «O mezhdunarodnom sotrudnichestve, mezhdunarodnyh i vneshnejekonomicheskikh svyazjah Sankt-Peterburga» (s izmenenijami na 8 fevralja 2018 goda) [Law of Saint Petersburg «On international cooperation, international and economic relations of Saint Petersburg» (as amended on February 8, 2018)]. 2008. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/8477187> (accessed: 03.07.2020).
9. Study of the international image of Saint Petersburg based on the results of media monitoring in the period from January 01 to December 10, 2019. SPb: Komitet po vneshnim svyazjam Sankt-Peterburga, 2019. 274 (in Russian).
10. Results of the work of the Committee on science and higher education in 2018 and main tasks for 2019. 2019. Available at: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/10/08/20/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93_15.03.19.pdf (accessed: 07.07.2020) (in Russian).
11. Kuznecov A.S. 2006. Paradiplomatiya: traktovki i teoreticheskie modeli [Paradiplomacy: interpretations and theoretical models]. Diskurs-Pi, 6: 76–78.
12. Lebedeva M.M. 2017. «Mjagkaja sila»: ponjatie i podhody [Soft power and the foreign policy image of the Russian Federation]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 3 (54): 212–223.
13. Naumov A.O. 2015. «Mjagkaja sila» i vneshnepoliticheskij imidzh Rossijskoj Federacii. [«Soft power» and the foreign policy image of the Russian Federation]. Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal, 4 (4): 21–32.
14. Naronskaja A.G. 2019. Rol' regional'noj jelity v razvitii mezhdunarodnoj dejatel'nosti sub#ekta federacii (opyt Sverdlovskoj oblasti) [The role of the regional elite in the development of international activities of the subject of the Federation (experience of the Sverdlovsk region)]. Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija), 3: 384–400.
15. Popova O.V. 2018. Territorial'naja identichnost' peterburzhcev: evropejskaja vs lokal'naja i regional'naja. Formirovanie sovremennoj evropejskoj identichnosti v ramkah integracii ES: social'noe i kul'turnoe izmerenie [Territorial identity of St. Petersburg residents: European vs local and regional. Formation of a modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimension]. SPb., Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet: 130–137.
16. Resolution of the Government of Saint Petersburg «On the Committee of external relations». 2004. Available at: http://kvs.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/06/01/Pologenie_o_Komitete.pdf (accessed: 05.07.2020) (in Russian).
17. Selina M.V. 2014. Zhiteli Sankt-Peterburga chuvstvujut sebja evropejcamy [The inhabitants of St. Petersburg consider themselves to be Europeans]. Available at: <https://iq.hse.ru/news/177666148.html> (accessed: 12.07.2020).
18. Cooperation between Saint Petersburg and partner cities. 2020. Available at: <http://kvs.spb.ru/media/content/docs/3495/320-2020.pdf> (accessed: 05.07.2020) (in Russian).
19. Statistics of St. Petersburg's cultural life. 2020. Available at: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/culture_statistics/ (accessed: 05.07.2020) (in Russian).
20. Chitty N. et al. 2016. The Routledge Handbook of Soft Power. New York, Routledge, 508.
21. Cohen E.A. 2017. The big stick: the limits of soft power & the necessity of military force. New York, Basic Books, 304.
22. Davis Cross M.C., Melissen J. 2013. European Public Diplomacy: Soft Power at Work. New York, Palgrave Macmillan, 230.
23. Ferguson N. 2004. The Rise and Fall of the American Empire. London, Penguin books, 400.
24. Gray C.S. 2011. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st century. Carlisle, The Strategic Studies Institute, 59.
25. Hall T. 2010. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. The Chinese Journal of International Politics, 3: 189–211.
26. Keating V., Kaczmarek K. 2017. Conservative Soft Power: Liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia. Journal of International Relations and Development, 22 (1): 1–27.
27. Nye J.S. 1991. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books, 336.
28. Nye J.S. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 192.
29. Nye J.S. 2011. The Future of Power. New York, Public Affairs, 320.

30. QS World University Rankings. 2020. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (accessed: 07.07.2020).
31. Sergunin A., Karabeshkin L. 2015. Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics*, 35 (3): 347–363.
32. Sherr J. 2013. *Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*. London, Royal Institute of International Affairs, 137.
33. Top 100 City Destinations. 2019. URL: <https://go.euromonitor.com/white-paper-travel-2019-100-cities> (accessed: 07.07.2020).
34. World Winners: World's Leading Cultural City Destination 2019. World Travel Awards. 2019. URL: <https://www.worldtravelawards.com/winners/2019/world> (accessed: 08.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гомелаури Ангелина Сергеевна, аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina S. Gomelauri, postgraduate student of the Faculty of political sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia